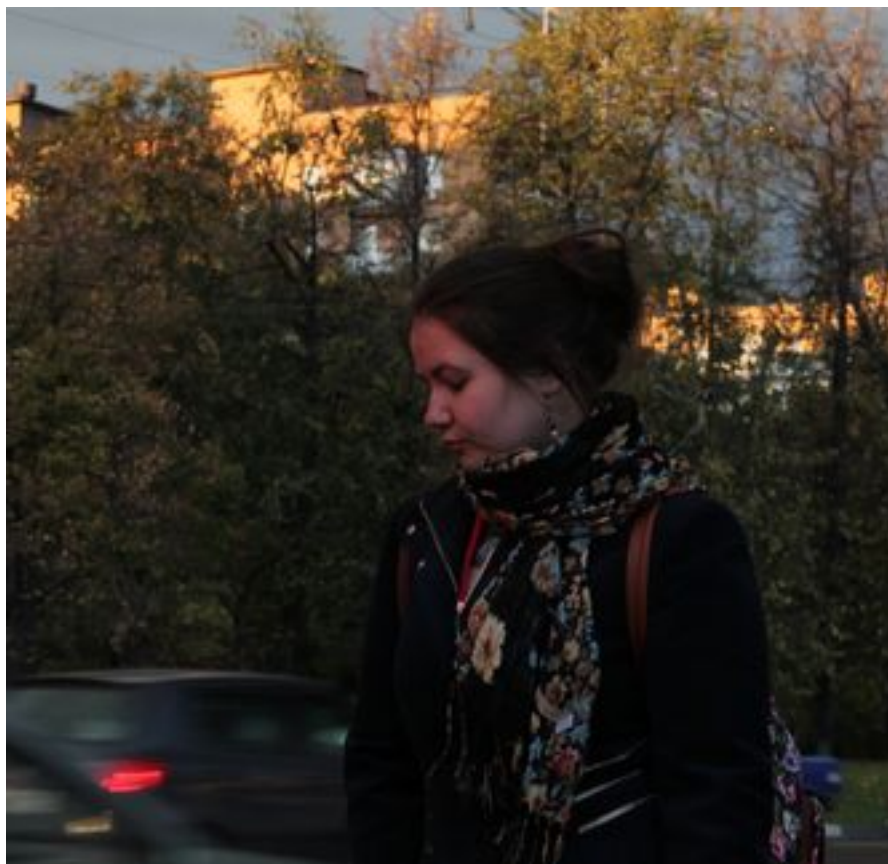

Живет в г. Люберцы (Россия). Визитная карточка участника.

Зарубочки

Я повстречала мальчика,
Пригоженького мальчика,
Заплаканного мальчика
С душой пока что голенькой
Под липой за грибком,
Откуда алкоголики,
Смеясь, прогнали мальчика.
О чем ты плачешь, лапочка,
О чем или о ком?

Сказал малыш:
– Обидчики! Какие все обидчики,
Сплошь дядьки и обидчики!
Как жить в миру таком?
А я сказала:
– Мальчик мой,

Оставь ты речь запальчивую
И проясняйся личиком.
Ты просто сам обидчиком
Не стань, другим обидчиком,
Не стань себе обидчиком,
Бессонным мужичком.

– Держи, – сказала, – ножичек,
Возьми мой старый ножичек,
И если с кем негоженько
поступишь, не зевай –
На липе ставь зарубочку,
Зарубочку, зарубочку,
Чтоб пакости и грубости
Свои не забывать.

И вот смотрю – зарубочка,
Назавтра же – зарубочка,
Зарубочка одна,
Но если не разглядывать,
Не знать да и не мудричать,
Почти что не видна.

А это червячоночка,
Худого червячоночка,
Невинного ни в чем, ни в чем,
Он взял и растоптал.
Случайно, не случайно ли?
Я говорю:
– Печальненько,
Все это так печально, но...
Но ты, малыш, не мучайся,
ведь ты еще так мал.

Потом – опять зарубочка,
Еще, еще зарубочка,
По глупости, запальчивости.
Считаешь – больше ста.
Зарубки вместе с мальчиком
Вдруг стали вырастать.

Потом иду – нет липоньки,
Один пенек от липоньки
Торчит еще немножечко.
И мальчик мне:
– Так влип я, блин...

Какой же я debil!
Я этим самым ножичком...
Твоим дурацким ножичком...
А липонька все видела,
И я ее срубил.

Погода заволакивалась,
Хмурыжилась с тоской.
И я с ней вместе плакала,
Так плакала, так плакала
Над мальчиком, над липонькой,
Над участью людской.

По сердцу время кликает,
Грешочки упаковывает.
Иду сквозь годы скованные
И вижу мужичка.
То - Мальчик Мальчикович
Глядит на червячка,
Стоит у тонкой липоньки,
Худой цветущей липоньки,
О нас цветущей липоньки,
Которую он вырастил
У старого пенька.

* * *

не проходит и дня чтоб я не думала о тебе.
все затянуто. тина. рябь. на спине у плёса.
день еще состариться не успел.
смотрит в окна. медлительный и белесый.
он следит за потерянными детьми.
и земля. земля. будто комочки туши.
белой пеной подкрался к домам жасмин.
а тебе не увидеть его цветущим.

* * *

Тот месяц был глуховат и сед,
ужиться не так уж просто.
Он колобродил, бывал нетрезв,
бессовестен и сердит.
Он вел себя, словно бы сосед,
зашедший однажды в гости

и отказавшийся наотрез
куда-нибудь уходить.

Бродил, бездумный и ледяной,
по куценькой нашей жизни,
дышал на окна да из угла
нам холода доставал.
Он часто путал меня со мной,
которую тяжесть сгрызла.
А я хотела, но не могла
укутать его в слова.

Но ты был стойким и говорил,
что улицы смажут маслом,
веснушки явятся, как грачи,
усядутся на лице,
и что тепло, оно – там, внутри,
не смерклось и не погасло.
А мне казалось, что мир молчит
и дышит на том конце.

А мне казалось, что не смогу,
что я тяжела, как камень,
который точит день ото дня,
набрасываясь, прибой.
Но ты дежурил на берегу
и просто хранил покамест,
весенний день не пригрел меня,
последовав за тобой.

И солнце, шkodник и птицелов,
вставало тысячекратно
и выходило с утра стрелять
по лужам все горячей,
как будто в небо без лишних слов
направили перфоратор
и просверлили прицелы для
палящих его лучей.

А мы дурачились. И палас,
пропахнувший мылом жидким,
оказывал ночью скупой прием
бессонному дурачю.
И вот февраль поглядел на нас
и вынес свои пожитки,
отчалив к северу с кораблем,

запущенным по ручью.

